

На большом судне собралось множество изумлённых корабельщиков и слуг, но никто не ответил.

Лю Юй добежал до самого конца каменной дорожки на берегу, дальше пути не было. Он смотрел на всё дальше уплывающий корабль. Внезапно он прямо в одежде ступил в воду и зашагал в сторону судна. Толпа на корабле и на берегу дружно вскрикнула от неожиданности.

Воды Ло были широкими, а течение — бурным. Официальная ладья шла по самому фарватеру, рассекая воду и поднимая целые каскады брызг, которые окатывали Лю Юя с ног до головы. Шагая по мелководью против течения, Лю Юй чувствовал, как волны становятся всё выше, а под ногами теряется опора; его фигура качнулась, и он словно оказался посреди грозных и величественных вод Ло.

Сотрудники судна и его собственные телохранители закричали в один голос, а самые нетерпеливые уже прыгнули в воду, собираясь вытащить его.

Стоя в воде и с трудом удерживая равновесие, Лю Юй повернулся к официальному судну и во всю мочь закричал:

— Чжуан Цзянь! Если моя смерть сможет утолить твою ненависть, то мне не жалко расстаться с жизнью! Если тебе станет легче оттого, что я буду жить хуже мёртвого, то прошу, смотри! Чжуан Цзянь!

— Чжуан Цзянь! Но я должен сказать тебе одну вещь! Мне не хватило ни широты души, ни великодушия, чтобы поставить праведность превыше всего и не заставить тебя страдать! Я был неправ! Моя жадность до императорской власти и трона разочаровала тебя, это я во всём виноват! Чжуан Цзянь! Я должен сказать тебе: это я виноват! Я раскаиваюсь! Я знаю, что согрешил!

Его слова подхватил ветер, унося их и развеивая над обеими берегами реки Лохэ. Над водами Ло поднялся густой туман, речная гладь клубилась и парила в дымке. Перед глазами людей всё затуманилось, скрывая окружающий пейзаж.

Лю Юй стоял в брызгах речных волн, глядя, как официальное судно постепенно удаляется. Слова, что давили на его сердце все эти три года, наконец были высказаны вслух, и тяжесть с души спала. Скрытая в его груди отчаянная решимость наконец стала понемногу угасать. Мир перед глазами расплылся и изменил цвет, а шум речных волн и крики на берегу постепенно затихли и стихли вдалеке.

Его тело рухнуло в воды Ло.

Ло Аошэн сидел в каюте, потупив взгляд в стоявшую перед ним шахматную доску. Внутри постепенно сгущался речной туман, так что стало трудно различить и то, что вокруг, и собеседника напротив. Зажав между пальцами белую фишку, он долго размышлял, но сделать ход так и не решился.

Бросив случайный взгляд на темно-чайную доску перед собой, он заметил, как капли воды падают на черные фишки на противоположной стороне доски, медленно скатываются вниз, расплываясь темными пятнами по деревянной поверхности, и исчезают под дуновением ветра.

Ло Аошэн тихо вздохнул. Он бросил фишку на доску и пробормотал про себя:

— Запутанную партию нелегко распутать, но ты всё равно упрямо блуждаешь в потемках и упорствуешь в заблуждениях. Ты... ты ведь всё-таки тоскуешь по нему...

Человек напротив сидел безмолвно и неподвижно, но слёзы капали дождем, беспорядочно и бурно, словно у него перехватило горло и он не мог вымолвить ни слова.

Снаружи поднимался всё больший галдеж и шум, а оба человека в каюте, погруженные каждый в свои мысли, хранили молчание. Ло Аошэн повернулся и вышел из каюты.

Корабельщики прыгнули в воды Ло и вместе со стражниками вытащили Лю Юя на берег. Ло Аошэн велел передать Ван Цзычану выговор: мол, Сяньянский ван не возвращается к Горе Цзюцзюнь к месту упокоения покойной матери соблюдать траур, а вместо этого беспутничает в чужих краях — это верх легкомыслия. Он также приказал посадить их в повозку и увезть на несколько ли прочь, так чтобы реку Лохэ не было видно, и лишь после этого разрешить ему вместе с Лю Юем возвращаться в Сяньян.

Лю Юй тупо сидел в повозке, подняв голову и глядя на вздымающиеся до небес городские башни и павильоны, на бурлящие толпы рынков. Вдали по реке медленно плыло официальное судно. Ло Аошэн вышел из каюты, стоял на палубе и молча смотрел на него; их взгляды встретились, и они долго не сводили глаз друг с друга, храня молчание. В лучах заходящего солнца его изящная фигура, подобно бурлящим водам бесконечной реки, уходила вдаль безвозвратно.

Пока оба они не потеряли друг друга из виду.

Все последующие дни Ван Цзычан соблюдал крайнюю осторожность, уговаривая Лю Юя вернуться в Сяньян. Хотя он всячески старался услужить, сердце Лю Юя было разбито, и от чрезмерного горя он слег в постель на несколько дней. В дороге Ван Цзычан старался развлекать его разговорами и шутками, пытаясь развеселить, но стоило улыбке сойти с лица Лю Юя, как оно вновь омрачалось скорбью и тоской.

Если бы в его сердце не осталось никаких чаяний и он предавался бы пустой тоске, это было бы еще полбеды, но теперь в его душе вновь поселилась надежда, и от этого удар оказался сокрушительным, а душевная рана — глубокой.

В тот день они вернулись в Сяньян к Горе Цзюцзюнь. После трагических событий трехлетней

давности, когда в Сяньян хоронили его мать, Лю Юй больше ни разу не ступал на эту землю. Это место было источником его сердечной боли, и каждый раз он объезжал эту гору стороной. На этот раз Ван Цзычан вспомнил упреки и недовольство Ло Аошэна и привел его на гору воздать почести, чтобы рассеять печаль.

В ночных кронах деревьев зеленели неизменные сизые горы, и лишь одинокая нефритовая стела хранила память о прошлом; человек ушел, оставив лишь пустые сожаления. Помолившись у могилы матери, Лю Юй в лунном свете одиноко и шатаясь спустился с горы, предоставленный самому себе.

Лунный свет постепенно тускнел, но ветер усиливался. Местность здесь была суровой: горные гряды смыкались, а посредине текли воды Ишуй, климат менялся стремительно, и в темноте ночи отчетливо чувствовалось приближение бури. Ван Цзычан поспешил осмотреться вместе с ним: в горной ложине, всего в двух ли от могильного комплекса, виднелась хижина, похожая на сторожку могильщика. Изнутри доверчиво мерцал тусклый желтоватый свет лампы, и доносились приглушенные голоса.

Лю Юй приблизился к хижине и протянул руку, собираясь постучать в дверь.

Изнутри донеслись звуки веселой беседы и смеха двоих людей.

Заметив, что поднимается буря, Лю Юй решил попроситься на ночлег, чтобы переждать ненастье. Но разговоры и смех в маленькой хижине заставили их замереть.

Голос одного из них звучал чисто и звонко, залиvistый смех вырвался наружу:

— О, ты наконец-то пришел!

Этот голос был полон радости, словно говоривший запрокинул голову и громко смеялся.

Следом за ним раздался другой голос:

— Да-да! Получив твое письмо, я тотчас же примчался из Лояна!

Услышав это, Лю Юй и Ван Цзычан почувствовали, будто в небе сверкнула молния и ударила прямо в двух людей перед дверью. Лица Лю Юя и Ван Цзычана почернели, они замерли на месте, превратившись в изваяния; горе, радость и боль волнами накатывали на них. В одно мгновение их сердца были разбиты вдребезги и рассыпались по земле.

Как они могли натолкнуться на столь счастливую встречу? Почему каждый раз, каждый божий раз их встреча с ним происходит именно так?

Мужской голос был знаком, хотя они не слышали его много лет. Но интонация, тембр и даже оживленное, сияющее выражение лица словно вставляли перед глазами, а эта нагловатая развязность была знакома до боли на всю жизнь. Тот радостно выкрикнул:

— Чжоу Эр, мы чуть было не разминулись навсегда!

Из хижины донеслись звуки возни и шутиливой драки, а тот, кого называли Сыланом, радостно затараторил:

— О-о, Чжоу Эр, ты ведь не умер! Почему же ты до сих пор не окошел? Я слышал, у тебя были серьезные неприятности с судом, и голова чуть с плеч не слетела, и денег не осталось, а я ведь горевал по тебе несколько дней!

Тот, кого звали Чжоу Эр, с благодарностью в голосе ответил:

— Э-э... понимаешь, тут такое дело, в двух словах не расскажешь. Всё благодаря тому, что у меня язык подвешен, дела веду ловко, да и лицом я вышел... весьма браво... вот кто-то сердобольный и не захотел меня бросить, взял да спас!

Сылан вдруг проникся подозрением:

— Глядя на твой нищенский и жалкий вид, не убийство ли ты совершил, часом, не из тюрьмы ли сбежал?

Зная, как сильно тот боится палок Великого суда, Чжоу Эр непринужденно успокоил его:

— Да что ты! Какие глупости! Всё из-за того, что бабы меж собой сцепились из ревности, дошло до смертоубийства и скандала, а меня вдобавок затащили по судам! К счастью, один богатый господин Ло велел мне выпить отравленного вина, чтобы инсценировать смерть... Теперь я служу у него и стерегу его горные поля, вот и всё.

Сылан недоверчиво протянул:

— У тебя слова правды не добьешься, а сам опустился до такого нищенства — с чего бы кому-то спасать тебя?!

Чжоу Эр мысленно выругался: он ведь звал этого маленького пройдоху Сылана, чтобы излить ему душу, а тот устроил ему допрос с пристрастием, намекая в каждом слове, что без денег хороших друзей не бывает. Раз уж у него не осталось средств к существованию и он жил за чужой счет, гордость его пала ниже плинтуса, и он превратился в альфонса. Его бесстыдное лицо наконец залилось густой краской:

— Господин Ло полюбил меня! Я умею сочинять стихи и готовить, умею прислуживать и... делать то самое... в общем, ублажал его так, что он был доволен, вот и давал мне денег, не твоего ума дело!

Сылан вздохнул:

— Выходит, ты прятался здесь, в диких горах, целых три раз года? Поклянись, что раз разбогател, не забудешь меня снова!

Чжоу Эр подумал про себя, что он уже три года караулит могилу в этой глуши, исполнив заветное желание, и как раз в эти дни истекает положенный срок. Китайцы часто говорят: бог любит троицу — долг жизни он хозяину вернул, трехлетний траур по могиле отбыл, и больше у него не осталось никаких долгов ни перед кем.

Его давняя тревога наконец разрешилась, к тому же хозяин благоволил к нему, и на душе у него расцвели цветы, стало легко и радостно. Воспользовавшись тем, что господин Ло — человек строгой дисциплины, степенный, суровый и чуждый подобных увлечений — отсутствовал, он не удержался и написал письмо, позвав Сылана сюда просто поболтать да излить друг другу душу.

Кто бы мог подумать, что, увидев сейчас понимающего и покладистого Сылана, он почувствует приятный зуд и захочет попутно утолить томившую его жажду. Не в силах больше сдерживаться, он протянул руку и опустил ее на плечо собеседника.

Раз уж удалось выжить, жизнь должна продолжаться. Печали понемногу уйдут в прошлое, а радости будут возвращаться вновь.

Воспользовавшись отсутствием хозяина, он, разумеется, вознамерился сорвать дикий цветок или зеленую травинку для улады за привычными задушевными беседами.

Его рука только протянулась в пустом пространстве, как вдруг в небе прокатилась череда громовых раскатов, от которых его затрясло всем телом, а в груди зародился суеверный страх. Сердце колотилось в груди, как барабан, не находя покоя. Наконец он бросил взгляд на дверь и окно: дверь не была заперта плотно, и если кто-то снова толпой ворвется внутрь...

Чжоу Эр судорожно вздрогнул и выпалил страшную клятву:

— Если я солгу и посмею забыть тебя, пусть едва я выйду за порог, как встречу своего заклятого врага Лю... Лю... — но произнести оставшуюся часть имени он всё же не осмелился. В этот самый момент за окном в горных лесах мелькнула молния и расколола надвое молодую сосенку.

Сылан уныло протянул:

— Ты наверняка сотворил какую-то гадость, я тебе ни за что не верю!

У Чжоу Эра всё же был за душой грешок, и он до смерти боялся старых выходок их двоих. Глядя на незапертую дверь, он чувствовал себя неуютно. Поразмыслив, он слез с кровати, чтобы задвинуть засов.

В этот момент порыв буйного ветра ворвался в хихину, и дверь распахнулась настежь.

Бросив взгляд при открывании двери, Чжоу Эр издал вопль и отшатнулся назад. На пороге

стоял мужчина в роскошных шелковых одеждах и в упор смотрел на него. На голове незнакомца красовался высокий венец с нефритовым поясом, лицом он был хорош собой и величествен, словно нефритовый чжуан, а глаза сияли персиковым цветом. Черты его лица все сильнее омрачались следами житейских бурь, а на глаза наворачивались слезы. Пришедший пристально и испуганно смотрел прямо на него.

Лю Юй тоже уставился на человека в дверях: у того было бледное лицо, а черные глаза испуганно и кругло таращились на него, рот был широко открыт, а на физиономии застыла такая виноватая и жульническая гримаса, что хотелось одним пинком прикончить его или раздавить на месте. Наконец тот снова завопил и одновременно рухнул на пол. При свете свечи Лю Юй разглядел его отчетливо: кто же это был, если не Чжуан Цзянь?!

Вдруг сидевший рядом Сылан издал истошный вопль, метнулся мимо них и вихрем выскочил в беспросветную тьму горного леса. Оказалось, что Сылан узнал Лю Юя и от страха вышиб дверь, бросившись наутек. Чтоб этому проклятому Чжоу Эр пусто было, почему его молнией не расколело при таких-то вранье и лжи?!

Лю Юй ткнул в него пальцем и процедил сквозь зубы два слова:

— Это ты...

Чжоу Эр перепуганно затряс головой:

— Не я!

Лю Юй затрясся всем телом:

— Если не ты, то кто же?!

— Да хоть бы и не я! Какое мне дело до того, кто это?! — Чжоу Эр вдруг почувствовал неладное. Где-то он уже слышал эти слова, почему они сорвались с языка так легко? Он и сам не помнил!

— Если не ты, то какого черта ты здесь делаешь?! — Лю Юй протянул руку и вцепился ему в грудь.

— С чего это мне нельзя здесь быть! Я... — Чжоу Эр внезапно захлопнул рот, потому что продолжить эту фразу он уже никак не мог.

Лю Юй ошеломленно окинул его взглядом с ног до головы. Затем распахнул объятия, прижал его к себе и горько зарыдал:

— Чжуан Цзянь! Чжуан Цзянь! Это ты, Чжуан Цзянь?!

<Конец книги>

□ Все стихи и поэтические строки в романе «Видя алое, принимаю за зелёное» заимствованы из древних записок и заметок.

Роман «Видя алое, принимаю за зелёное» публиковался в сетевых форумах с 1 января 2006 года по май, процесс занял чуть более пяти месяцев. Эта книга стала моей третьей работой после «Поверженного процветающего города» и «Героя». Среди всех моих произведений она на сегодняшний день является наиболее зрелой, а также обладающей наибольшим количеством просмотров и перепостов.

Я искренне благодарен всем коллегам-писателям, модераторам форумов и друзьям, которые поддерживали эту книгу в сети. Они присылали мне сообщения, звонили, писали письма, передавали слова любви к «Видя алое, принимаю за зелёное» лично или через других людей. Большое спасибо и многочисленным незнакомым читателям, которые выражали свою поддержку и энтузиазм по отношению к роману самыми разными способами: читали главы, писали длинные и короткие отзывы, болели за полюбившихся персонажей, активно рекомендовали книгу друзьям на форумах и так далее.

Именно благодаря ободрению и неусыпной заботе множества друзей я не смел лениться и смог за столь короткий срок — пять месяцев свободного времени — написать роман объемом в двести сорок тысяч иероглифов и издать его отдельной книгой. Пользуясь случаем, я хочу поблагодарить всех интернет-пользователей, которые читали эту работу и оставляли к ней комментарии. Спасибо за то, что в течение этих пяти месяцев они терпеливо ждали обновлений на форумах, неустанно подгоняли меня новыми сообщениями в BBS, обсуждали сюжет в комментариях, указывая на ляпы и несостыковки, и тихонечко сидели со мной по MSN, пока я писал, разделяя со мной дни первой половины 2006 года — вместе радуясь и вместе горюя.

«Видя алое, принимаю за зелёное» — это работа-посвящение госпоже Сетер (Шуй Тянь). Она горячо поддерживала меня, когда я только начинал писать романы в жанре даньмэй. Каждое лето, в наполненные ароматом жасмина ночи, наши беседы обо всем на свете по MSN принесли мне огромную пользу; этот человек и это время — самое дорогое для меня сокровище. Поэтому, когда я только задумывал эту повесть, я попросил ее утвердить название «Видя алое, принимаю за зелёное» и имя главного героя — Лю Юби.

В этой повести мне хотелось раскрыть тему выбора: что выберет человек, когда между любовью, жизнью и смертью, долгом и моралью возникает конфликт? Вся нравственная справедливость, властные амбиции и мечты невероятно важны, но когда любовь (быть может, сложное сплетение родственных чувств и переживаний на грани жизни и смерти) приходит в нашу жизнь, возникает необходимость заново взвесить всё и решить, что выбрать, а от чего отказаться... Быть может, на этом пути будут ошибочные упорства и неверные решения, но в конце концов человек поймет, что именно для него важнее всего и как обрести истинное, желанное счастье...

В человеческой жизни слишком много трудностей и поворотов, поэтому мне захотелось создать в своих произведениях счастливый, гармоничный мир. В этом моя неизменная позиция.

Публикация романа «Видя алое, принимаю за зелёное» полностью завершена. Я буду рад отзывам и пожеланиям читателей и друзей. Из-за ограничений моего личного кругозора и

писательского мастерства в книге неизбежны изъяны и недостатки, и я надеюсь на ваше снисхождение.

Писательское мастерство зреет вместе с развитием мысли, постепенно обретая округлость и плавность, и я надеюсь, что моя следующая работа окажется лучше.

Большое спасибо издательству «Бэйлэ Куньхуа», надеюсь, вы поддержите легальные печатные издания как в традиционных, так и в упрощенных иероглифах.

Куанькуань (Папа римский из металлической стали), июнь 2006 года.

=Конец=

<http://bllate.org/book/21149/2144298>